

Моск. Комсомолец — 1989 —
3 сент.

Поппо Шираиши шаманствует

Через танец — в будущее

ПОСТМОДЕРНБАЛЕТНЫЙ спектакль. Все предвещало нечто неожиданное — известный танцовщик Поппо Шираиши, танец «буто», соединивший специфическую технику движения, традиции театров Но и Кабуки, и авангардные формы, хэви-метал-рок и панк-рок, нагие тела, призванные не эпатировать публику, но подчеркивающие первозданность, а также сверхвозможности человеческого тела. Словом, в представлении есть все, чтобы «вышибить» нас из привычного состояния. Художественный руководитель и первый танцовщик Шираиши со своей труппой «Поппо энд гоу-гоу бойз» показали спектакль «Новая модель Вселенной».

Постановщик спектакля Шираиши родился в Японии. Изучал живопись в Токио, выступал с театром «Ред Будда». В 1985 году организовал свою труппу в Ист-Вилледже (Нью-Йорк). Его спектакли представляют авангард и направлены на духовные поиски в той сфере существования, где человек остается беззащитным перед могучими силами космоса.

После спектакля я беседовал с Поппо Шираиши.

— Я выступаю два—четыре раза в год в Нью-Йорке. Гонорары мало меня волнуют, я занят другим. Я когда-то приехал в Нью-Йорк, ибо понял, что он меня ищет. Подобное происходит и сейчас. В России перемены, перемены и в моей жизни — это совпадает. В этом я черпаю вдохновение, которое определит мое будущее. В этот раз я побывал в Москве, Ленинграде и Перми и должен сказать, что именно в Москве будущее. Я могу здесь творить.

— Но почему выступаете только 2—4 раза в год?

— Есть две причины. Во-первых, эти выступления совпадают с моими духовными циклами. Во мне происходят изменения, и если я выступаю редко, то выразительнее могу показать их. Это как времена года — весной все оживает, а осенью — отмирает. Во-вторых, я сам зарабатываю деньги, плотничаю. Затем я делаю два месяца спектакль. Я не прошу субсидий. Я хочу быть свободным от давления — когда, где и что мне ставить.

Здесь, на гастролях, я работаю без гонорара и не знаю, кто и сколько зарабатывает на наших гастролях, но знаю, что, как фермер делает хлеб, я делаю духовную работу.

— Как вы начинаете ставить спектакль?

— Я начинаю на твердой глубокой основе, а дальше, как дерево растет, появляются музыка, движения, костюмы. Люблю рок-музыку; по-моему, это прекрасно! Работая с танцовщиками, я использую их индивидуальность, экспрессию. Самое главное, чтобы они вдохновили меня, чтобы изменили мое состояние, внесли что-то новое. Это включает не только танец. Подготовка, которую прошли танцовщики моей труппы, и моя — отличны. Я мою пол, вытираю сцену, что бы я ни делал,

я все изучаю. Моя жизнь — танец. Всегда стараюсь сосредоточиться на целом и на деталях. Все приходит ко мне из моего будущего. Например, по мере приближения даты спектакля во мне усиливается ощущение образа.

Если мою труппу рассматривать как дерево, то я — ствол, а они — ветви.

— Какова философия вашего танца?

— Моя философия гибридная, вселенская. Это — духовное состояние и что-то извне. У меня есть спектакль «Вечное представление» — не только танец, но философия. Путем танца я хочу усовершенствовать себя. Танцевальный театр отличается от художественного произведения тем, что танец бывает один раз. Каждое выступление отличается от другого в зависимости от времени, места выступления, состояния исполнителей. Центральная идея, которую я хочу показать публике, — идея эклектики и взаимопроникновения современной культуры, бытия. Мы на рубеже XXI века. «Битлз», Пресли — это простая музыка (поймите меня правильно), а сейчас синтезаторы, компьютеры. В танце так же. Духовный мир Нижинского определялся и тем временем, когда он жил. Сейчас мир усложнился, и я не могу вернуться к миру Нижинского, ибо знаю другое: взаимопроникновение новых параметров культуры.

— Ваш спектакль посвящен Нижинскому, да и, признаться, когда я смотрел балет, то некоторые эпизоды ассоциировались с «Петрушкой», «Играми», «Видением розы». Кто для вас Нижинский?

— Нижинский танцевал в начале XX века, он важен не с исторической точки зрения, а близостью к нашему времени. Я ощущаю духовную близость, связь его искусства с панк-роком. Я единственный японец в труппе, и вы, наверное, ощущаете японскую пластику. Европейцы используют более естественные движения. Танцор думает телом, и возникает имидж. В моем танце важна концепция шаманизма, я проводник энергии из космоса, при этом становлюсь другим существом. Когда я испытываю такое состояние — сильные переживания, ощущения, то могу стать любым. Настоящее искусство вечно, и его дух существует — я говорю о Нижинском. Я родился в год, когда Нижинского не стало.

Хорошее искусство — губка, которая впитывает.

— Расскажите о вашем спектакле.

— Скажи вам, вы будете думать единым образом, а спектакль многослоен. В жизни всегда баланс плюса и минуса, бога и дьявола, добра и зла. Все стремятся к добру, но существует и зло, оно везде. Во мне сосуществуют бог и дьявол. Я читал Успенского, Гурджиева, Штайнера. Есть две теории. Существует фиксированный уровень мудрости, им обладают 10 процентов человечества, остальные стремятся к нему. Если все достигнуто этого уровня, Вселенная кончится. Или Рудольф Штайнер считает, что нет совершенного мастерства, и надо стремиться к усовершенствованию. Художник Джозеф Бейс пишет, что художником может стать всякий...

— Какую вы имеете танцевальную подготовку?

— Классическим балетом начинают заниматься с детства. Он включает изучение прошлого. Я начал в 23 года, и у меня такой подготовки нет. Я танцую сейчас и при этом устремлен в будущее. Все происходящее со мной и вокруг — моя подготовка. От этого моего сейчас происходят все связи.

— Какое искусство питает вас?

— Я предпочитаю искусство, способное повлиять на меня. Не нахожу интересным развлекательное искусство. В Америке сейчас интересных хореографов нет, но есть в Бельгии и Германии: Пина Бауш и Жан Фабре. Очень люблю фильмы Тарковского.

— Ваше кредо?

— Самое главное, чтобы человек не останавливался в развитии, в понимании жизни. Жизнь — не стена. Ван Гог говорил, что жизнь полотно. И если вместо него видеть стену, то жизнь кончена.

Александр ФИРЕР.